

Актуальные вопросы интенсификации лесопользования в России¹

© И. Шматков

Интервью с **Б. Романюком**, научным руководителем проекта «Псковский модельный лес» и фонда «Грин Форест»

Борис Дмитриевич, сейчас многие говорят об интенсификации лесопользования, зачастую трактуя этот термин по-разному. А что Вы понимаете под интенсивным лесопользованием?

Интенсивное лесопользование — это определенная экономическая модель ведения лесного хозяйства, управления экономическим циклом лесовыращивания, направленная на получение определенных сортиментов в соответствии со спросом на них. При интенсивной модели лесопользования все элементы хозяйственного цикла, в частности лесовосстановление, уход за лесом, развитие инфраструктуры, нацелены на обеспечение максимальной эффективности получения конечного продукта, т. е. определенных сортиментов для дальнейшей переработки. Цикл лесовыращивания в интенсивной модели направлен на максимизацию выхода определенных видов древесного сырья, при этом предъявляются и другие требования, например выход сырья должен быть равномерным, должны соблюдаться определенные экологические нормы и т. д.

Интенсивное лесопользование, по крайней мере в современной форме, возникло и наиболее развито в Швеции и Финляндии. Шведско-финская модель интенсивного лесопользования построена в первую очередь на создании правильной системы проведения рубок ухода: за лесом ухаживают так, как за огородом, обеспечивая выход определенных лесоматериалов и получая большую экономическую отдачу.

Антиподом интенсивной модели лесопользования можно считать экстенсивную модель, которая существует в России и преобладает в Канаде. Эта модель строится совершенно на других экономических и лесоводственных подходах и подразумевает прежде всего пионерное освоение лесных территорий, своего рода собирательство древесины, а не ее интенсивное выращивание.

Таким образом, удовлетворение спроса со стороны лесоперерабатывающей промышленности может строиться на двух описанных подходах.

По вашему мнению, в России назрела необходимость перехода к интенсивной модели?

Ситуация в России очень своеобразная. При внимательном рассмотрении она сложнее, чем простой выбор между экстенсивной моделью и интенсивной.

¹ Материал подготовлен в рамках проекта «Интенсивное и устойчивое лесопользование в России», который осуществляется при поддержке Агентства США по международному развитию (USAID).

Необходимость перехода к интенсивной модели лесопользования не сможет определить ни отдельный человек, ни орган управления. Как я уже говорил, интенсивное лесопользование — это рыночная модель, необходимость перехода к которой обуславливает рынок, в первую очередь рынок переработки древесины. Все участники этого рынка сходятся во мнении, что существует недостаток древесного сырья и глубокий кризис лесобеспечения в нашей стране не за горами, во многих случаях недостаток лесных ресурсов уже ощущается. При видимом колоссальном объеме лесных площадей этот кризис выражается главным образом в недостатке определенных видов сырья и в высоких затратах на их получение.

Если вернуться к специфике России и задаться вопросом, почему нас не устраивает экстенсивная модель (она столько лет работала), какие у нее недостатки, то мы увидим глубокие системные противоречия, которые усложняют ситуацию и обостряют кризис лесобеспечения. Проблема заключается в том, что в нашей стране нет не только интенсивного лесопользования, но и нормально функционирующей экстенсивной модели.

В чем же причина этого кризиса?

Есть несколько причин, и они усугубляют друг друга. Первая причина, по сути, на поверхности: неразвитость экономики лесных отраслей; отсутствие экономической и управленческой связи между лесовыращиванием, заготовкой и потреблением древесины. С одной стороны, есть Рослесхоз и другие органы управления лесами, с другой — лесопромышленные компании, которые занимаются предпринимательством и являются источником дохода для лесного сектора, образующегося в результате реализации лесоматериалов, продукции переработки древесины и налогообложе-

ния. Получается, что лесовыращивание (процесс доведения древесины до необходимого для бизнеса объема и качества), с одной стороны, заготовка, переработка древесины и реализация готовой продукции, с другой стороны, разделены между совершенно разными ведомствами, слабо взаимодействующими друг с другом. Иными словами, принятие решений по управлению лесными ресурсами разделено между двумя принципиально разными и независимыми организациями. Причем отношения этих двух организаций лежат скорее не в сфере сотрудничества, а в сфере антагонизма. Ни в одной стране, где лесное хозяйство эффективно, такой системы нет. В самой российской структуре лесопромышленности и лесопользования заложен ответ на вопрос о ее неэффективности, почему даже та функционирующая у нас экстенсивная модель, не дает того результата, который можно было бы от нее ожидать при имеющихся лесных площадях.

Известно, что площадь лесов Швеции составляет 3% площади российских лесов. Причем необходимо отметить, что они далеко не все продуктивны, особенно на севере страны. Тем не менее ежегодный объем лесозаготовок в этой северной стране составляет около 80 млн, в России же — около 150 млн м³.

Пропорция далеко не в нашу пользу...

Очевидно, есть гигантское несоответствие между покрытой лесом площадью и выходом готовой продукции. Встают вопросы: почему, собственно говоря, даже при существовании в течение десятков лет экстенсивной модели, мы не имеем соразмерного выхода лесопроductии и почему у нас она не работает. Ответы на эти вопросы находятся на разных уровнях принятия решения и концептуального понимания: зачем нам лес, что мы делаем в лесу, что такое лесное хозяйство, в чем заключаются функции Рослесхоза, а в чем — компании-арендатора...

© Д. Луговя

Есть гигантское несоответствие между покрытой лесом площадью и выходом готовой продукции

Видимо, надо начать с того, что в России нет лесной политики?

Можно сказать, что наша лесная политика в некотором смысле определена. Есть некоторые декларативные требования в сфере лесопользования, но они останутся общими словами до тех пор, пока лесная политика не будет определена с точки зрения экономической модели. Должна быть создана жизнеспособная экономическая модель: кто и для кого работает в лесном секторе, откуда возникают доходы; должны быть устранены противоречия между Рослесхозом и лесными компаниями. Полагаю, что эти противоречия во многом подсознательны и возникли еще во времена СССР, в 1960-е годы, когда ведение лесного хозяйства входило в сферу ответственности лесной промышленности, что для лесов обрабатывалось трагедией. Там все было бесконтрольно. И вот это отношение к лесной промышленности как к разрушителью леса, мне кажется, на подсознательном уровне существует и сейчас. Но ситуация совершенно изменилась: лесная промышленность, в частности лесозаготовительные компании, сейчас функционируют в рыночных условиях, они получают лесные ресурсы за определенную плату и заинтересованы в их сохранении. Раньше нужно было заготовить определенные объемы и отдать, плановая экономика все регулировала и денег никто не считал. Сейчас лесная промышленность существует сама по себе и не заинтересована срубить тот сук, на котором сидит.

Конечно, было ошибкой считать, что все лесопромышленники сознательные и ответственные, но у них есть выраженный экономический интерес в том, чтобы те инвестиции, которые вкладываются в основные средства — лесопильные заводы, дороги и т. п. — окупались, чтобы они гарантированно были обеспечены сырьем. В этом и заложено противоречие: с точки зрения реализации экстенсивной модели вся нормативная база, все основные элементы, на которых базируется лесопромышленность и лесохозяйственная практика, не привязаны к понятиям экономической и лесоводственной эффективности, т. е. система рубок ухода, чрезвычайно архаичная и устаревшая, не соответствует современным экономическим требованиям, я даже сказал бы, элементарным понятиям экономической эффективности. Совершенно не ясно, зачем вообще нужны рубки ухода в существующем виде?! Они не вписываются в систему планирования лесопользования и не обоснованы.

Если посмотреть в целом, то картина такова: лесопромышленники замкнуты в узком поле своей деятельности, получают лесные участки в аренду и в условиях неопределенности рубят лес, который скоро закончится, но они фактически не ведут лесное хозяйство, поскольку не видят экономических перспектив и не понимают, как строить свою работу в лесу на перспективу. Пытаясь вести нормальное лесное хозяйство по установленным нормативам и правилам, ухаживать за лесом, проводить лесовосстановление, они убеждаются в том, что данные руководства не функционируют правильно.

По своему многолетнему опыту знаю, что итоги ведения лесного хозяйства во многих местах можно назвать удручающими. По сути, можно сказать, что в многочисленных случаях применение существующих подходов к ведению лесного хозяйства фактически разрушает лесной фонд, ухудшает качество лесов. Лучше бы с лесом вообще ничего не делали после рубки, чтобы он рос и восстанавливался сам. Чрезмерные затраты на лесовосстановление путем создания лесных культур лесоводственно и экономически совершенно не оправданы. Система рубок ухода за лесом, которая не приводит к формированию нужного породного состава и сортиментов, к повышению экономической отдачи от лесов, бессмысленна и ведет только к бесполезным затратам.

Псковский модельный лес и интенсификация лесопользования

© Е. Яблочкина

В период активной индустриализации страны, т. е. с 1930-х годов, в стране был выбран курс на экстенсивную модель лесопользования. Доход при таком подходе зачастую получается исключительно от сплошных рубок. С тех пор рубки ухода за лесом, особенно прореживания и проходные, проводятся, если проводятся вообще, в недостаточном объеме и часто без соблюдения соответствующей технологии. Как правило, вместо ухода, т. е. удаления деревьев низкого качества, мешающих росту других деревьев, вырубается именно лучшее для получения дохода. Рубки ухода превратились в «рубки дохода». Результат такого подхода для леса очевиден: к моменту финальной рубки качество, а соответственно, и стоимость леса оставляют желать лучшего. Для обеспечения необходимых объемов заготовки качественной древесины в оборот приходится вовлекать все новые и новые территории с соответствующими затратами на создание инфраструктуры.

В настоящее время Россия пожинать плоды экстенсивной модели ведения лесного хозяйства. В результате отсутствия ухода за лесом в период его активного роста состояние лесного фонда ухудшается все сильнее, причем экономически доступных насаждений становится все меньше и меньше. Эта проблема актуальна для всей северо-западной части России, особенно для Ленинградской, Псковской, Новгородской областей и Республики Карелия.

Альтернативой экстенсивной модели является модель интенсивного ведения лесного хозяйства. Она часто называется скандинавской моделью ведения лесного хозяйства и успешно применяется в Финляндии, Швеции и в ряде других европейских стран. При реализации такой модели акцент делается на повышении качества и стоимости древостоев на уже освоенной территории, а ключевым элементом является система рубок ухода. В результате улучшается качество растущего леса к моменту финальной рубки, значительно увеличивается выход более дорогих сортиментов и соответственно возрастает стоимость заготовленной древесины. При правильном применении этой модели можно не только сохранять, но и по сравнению с традиционной (экстенсивной) моделью многократно улучшать экологические и социальные функции лесов, такие как сохранение мест обитания редких видов растений и животных, создавать благоприятные условия для промысловых видов животных, поддерживать функцию лесов по сохранению климатического и водного баланса.

Интенсивная (скандинавская) модель ведения лесного хозяйства успешно применяется в России уже более 10 лет. «Пионером» ее применения стал Псковский модельный лес, который был основан в 2000 году. Впервые в стране именно в рамках проекта WWF России «Псковский модельный лес» в партнерстве с СПбНИИЛХом была предпринята успешная попытка совместить технологии интенсивного лесопользования с идеей обеспечения экономической, экологической и социальной устойчивости лесопользования.

Чего же добился Псковский модельный лес более чем за 10 лет своей работы? Прежде всего существенного повышения экономической отдачи от лесов с обеспечением реальной неистощительности лесосырьевой базы. Проект показал на практике, каким образом местное население можно подключать к процессам принятия решений. Модель интенсивного и устойчивого лесопользования, разработанная экспертами проекта (основанная на скандинавской модели лесопользования), позволяет за один оборот рубки (т. е. за 80–100 лет) многократно повысить лесной доход. Правильное применение рубок ухода дает возможность за цикл хозяйства увеличить объем заготавливаемой древесины до 1,5–2 раз, а выход ценных сортиментов — от 1,5 до 3 раз.

Семинар проекта «Псковский модельный лес»

Для условий северо-западной части России разработаны нормативы природоохранного планирования, а для самой модельной территории создан ландшафтно-экологический план, позволяющий прогнозировать прибыль от ведения лесного хозяйства и вести долгосрочное неистощительное лесопользование, причем в нем учтены как экономические, так и социальные и экологические аспекты. Система природоохранного планирования, которое было выполнено на территории Псковского модельного леса, позволяет не только сохранить ценные виды живых организмов, но и повысить общую экологическую устойчивость территории за счет сохранения разнообразия естественных местообитаний, создает экологическую сеть.

«Восемь лет назад мы поставили для себя непростую задачу — разработать новую для России модель лесопользования, основанную на критериях устойчивого развития, — комментирует научный директор проекта Борис Романюк. — Мы свою работу выполнили. Псковский модельный лес реально показал, как можно действительно решать проблемы в управлении и ведении лесного хозяйства. Главное, что теперь мы имеем систематическое понимание, как должна выглядеть экономически эффективная модель лесного хозяйства в России». Интересно отметить, что позже, в процессе сертификации территории модельного леса по схеме FSC, замечания аудиторов были минимальными и практически не пришлось делать никаких дополнительных инвестиций в совершенствование лесопользования. Это показывает, что получение сертификата FSC является не только стимулом для совершенствования лесопользования, но и заслуженной «наградой» компаниям, у которых управление лесами и так находится на высоком уровне.

За последние годы площадь распространения опыта проекта на территории северо-западной части России резко увеличилась — с 18 400 до 1 500 000 га. Произошло это за счет успешного применения системы природоохранного планирования, разработанной специалистами проекта, на арендных территориях Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Успех тиражирования опыта был обусловлен насущной необходимостью в экономически высокоэффективном лесном хозяйстве, успешным практическим внедрением новых лесохозяйственных нормативов, применением технологий интенсивного лесопользования и природоохранного планирования для сохранения биоразнообразия в соответствии с масштабом хозяйственной деятельности, что необходимо и в процессе подготовки больших территорий к проведению сертификации по схеме FSC. Ноу-хау Псковского модельного леса заключается в том, что лесопользование должно быть ориентировано на рубки ухода за лесом, в частности на коммерческие рубки ухода (проходные рубки и прореживания). В настоящее время развитием проекта «Псковский модельный лес» занимается Фонд содействия участникам лесных отношений в развитии устойчивого управления лесами «Грин Форест».

Почему так происходит? У нас в стране сильнейшая классическая школа лесоводства, много ученых. Чего нам не хватает?

Мне трудно сказать, чего не хватает, но существует еще большее сопротивление к изменению нормативной базы ведения лесного хозяйства именно в сторону экономики. Полагаю, что если бюджет Рослесхоза напрямую зависел бы от объема и эффективности лесопользования, налоговых поступлений, то отношение к лесу и лесной экономике было бы другим. Экономическая эффективность — это коренной вопрос, с него нужно начинать и при лесопользовании, и при лесосоуправлении.

Вернемся к экстенсивной модели. Связан ли кризис обеспечения сырьем с экономической невозможностью движения лесозаготовителей в неосвоенные массивы и истощением ресурсов в освоенных лесах?

Кризис экстенсивной модели вызван двумя причинами. Во-первых, при реализации экстенсивной модели произошло очень быстрое освоение обширных территорий, в первую очередь там, где были сосредоточены значительные древесные ресурсы. Вторичные леса, возникшие после этого освоения, имеют, как правило, значительно меньший запас, худшее качество и низкую стоимость сырья, которые можно получить при рубках в них. Во-вторых, при экстенсивной модели фактически не осуществляется уход за лесами, многие лесоводственные приемы, эффективные с точки зрения конечного экономического результата при условии их грамотной реализации, выполнялись непрофессионально, исходя из неких всеобщих лесоводственных понятий. Именно поэтому состояние лесного фонда не улучшилось, его качество не поддерживалось на должном уровне. Если посмотреть на лесное хозяйство в целом, то его ведение сводится большей частью к лесовосстановлению. Во многих случаях основной показатель эффективности лесовосстановления — это посадка культур, причем все ограничивается именно посадкой. Однако без проведения последующих уходов, посадка культур становится «закапыванием» денег.

Деньги потрачены, а эффекта нет...

Да, но проблемы лесного хозяйства не ограничиваются отсутствием уходов за культурами. Реализуемая система рубок ухода, по сути, — это система «рубок дохода», когда изымается наиболее ценная древесина. Эти рубки ведутся уже в течение десятилетий и оказывают колоссальный негативный эффект на качество лесов.

Получается, что лесному хозяйству отводилась роль только планирования (сколько и что можно рубить). При социализме в лесу не было экономики. Это происходит и сейчас, поскольку система лесного хозяйства, существовавшая тогда, фактически не изменилась.

Борис Дмитриевич, что еще препятствует реализации интенсивной модели лесного хозяйства в России? В частности, Вы обозначили отсутствие экономических стимулов совершенствования лесосоуправления и эффективной нормативно-правовой базы...

Это основные проблемы, существование которых не всегда просто объяснить. Тем не менее есть еще один барьер — это недостаток знаний и опыта. К сожалению, на протяжении многих лет, когда лесное хозяйство фактически не развивалось, мы ничего не изучали в нужном направлении, не накапливали опыт. Интенсивная модель подразумевает очень глубокие знания о закономерностях роста леса, о его товарности и формировании этой товарности, об экономике, расчете и выборе выделительных программ рубок ухода. За последние 60-70 лет мировой уровень всех этих знаний и информации о лесе чрезвычайно повысился и трансформи-

«Основы устойчивого управления лесным хозяйством» — первое в России учебное пособие для школьников по устойчивому управлению лесами, подготовленное и изданное в 2008 году в рамках проекта WWF России «Псковский модельный лес».

ровался применительно именно к задачам экономической оптимизации цикла лесовыращивания. В России этого не произошло. У нас система знаний и система представлений о лесе очень архаична. Хотя, например, система лесосоуправления до последнего времени была одной из наиболее продвинутой. В советское время был создан выдающийся продукт. Эта система была непревзойденной и по детальности, и по масштабу, и по набору измеряемых параметров. Тем не менее из-за того, что в лесном хозяйстве не было заложено экономики, развивалась эта система однобоко. Многие измеряемые параметры избыточны и на практике не нужны при принятии лесоводственных решений.

Так, основным показателем, по которому принимают различные лесохозяйственные решения, является относительная полнота насаждения. Нигде в мире этот показатель не применяют, в частности потому, что он расчетный, относительный, имеет очень низкую точность и его применение связано с большими ошибками. Всюду используют прямые показатели, например, связанные с площадью сечения, получаемые посредством прямых измерений. Соответственно такой подход несовместим с экономической эффективностью, которая предполагает достаточно точный расчет и правильные оценки. К сожалению, те параметры, которые сейчас измеряются в лесу, дают оценку с большими ошибками.

Получается, что при переходе к интенсивной модели нужно менять и развивать очень много направлений — не только лесохозяйственные нормативы, но и систему параметров лесной таксации. Необходимо, чтобы все измерения в лесу позволяли получать точную информацию для принятия управленческих решений. Фактически весь цикл лесовыращивания, все его элементы должны быть адаптированы к новым экономическим требованиям.

Благодарим Вас за обстоятельный рассказ о лесной экономике, но следует затронуть и экологические аспекты. Сейчас звучит критика интенсивной модели, в частности утверждается, что ее использование не обеспечивает сохранения биоразнообразия при рубках. Вы согласны с таким мнением? Если эта критика справедлива, какие уроки необходимо извлечь при интенсификации лесопользования в России?

В историческом контексте эта информация справедлива. В 1960-1980-е годы в Финляндии и Швеции настолько увлеклись экономической стороной интенсивной модели, что фактически превратили леса в плантации. В таком отношении критика совершенно обоснована. Действительно, Скандинавские страны столкнулись с большими проблемами по устойчивости созданных лесов. Именно обеднение их биоразнообразия послужило одним из мощных толчков к развитию общественного экологического движения и сертификации по схеме FSC.

В настоящее время эти страны проходят эволюцию в обратном направлении, т. е. самым активным образом развивают подходы к сохранению биоразнообразия. Прогресс в восстановлении утраченного биоразнообразия, может быть, и не столь активен, как хотелось бы, но вполне заметен. Меня-

© И. Шматков

По сравнению со Скандинавскими странами уровень биоразнообразия в лесах нашей страны пока очень высокий

ется отношение общества и сотрудников органов управления лесами к этой проблеме, меняется структура лесного фонда, сами подходы ведения лесного хозяйства.

Если говорить о России, то ситуация развивается совершенно в другой плоскости. Экономическая эффективность отечественного лесного хозяйства настолько низкая, что обуславливает неуправляемость процессов в лесу, в том числе не позволяет эффективно обеспечивать сохранение биоразнообразия. Получается, что повышая экономическую эффективность лесопользования, мы способствуем правильному управлению лесами.

Т. е. управлению и с точки зрения сохранения биологического разнообразия?

Естественно. Когда управления нет, тогда лес рубится там, где пожелают компании, особенно это относится к небольшим лесозаготовителям. Какое-то управление сохраняется только у крупных компаний, которые имеют долгосрочные планы. В этой ситуации можно говорить о сохранении только каких-то крупных особо охраняемых природных территорий, а не о сохранении биоразнообразия в промышленных лесах, поскольку мы имеем дело с непредсказуемым, стихийным процессом лесопользования в таких лесах.

Конечно, по сравнению со Скандинавскими странами уровень биоразнообразия в лесах нашей страны пока очень высокий. Более того, лесные площади позволяют повышением интенсивности лесного хозяйства повышать общую устойчивость лесного сектора, в том числе с социальной точки зрения. Необходимо развивать диалог с людьми, которые

зависят от леса, о том, каким им видится лесопользование, какой лес им нужен. К лесу должно быть другое отношение. Люди должны чувствовать, что лес — это то, за счет чего они живут и для чего они живут, это основа их жизни.

У интенсивной модели есть золотая середина, позволяющая при высокой экономической эффективности сохранять биоразнообразие. Если Скандинавские страны к этой золотой середине между биоразнообразием и экономикой идут со стороны чрезмерной высокой акцента на экономику, то мы — с противоположного конца. При наших лесных площадях у интенсивной модели нет системных рисков.

Есть ли примеры успешного применения подходов интенсивного устойчивого лесопользования в России?

О таких примерах мне неизвестно. Псковский модельный лес — это только демонстрационный участок. Если говорить о производстве, о промышленных масштабах, о больших территориях, то пока примеров интенсивного лесопользования в нашей стране нет. Но наблюдается интерес больших компаний, которые с экономической точки зрения понимают, что нет выхода, нет будущего, если они не изменят свое отношение к ресурсу. В первую очередь это крупные компании, в частности ЦБК, для которых объем и себестоимость материала являются ключевыми вопросами. Крупные лесопромышленные компании, управляющие лесами на больших территориях, сталкиваются именно с этими проблемами. Необходима другая модель лесного хозяйства, которая предоставит достаточное количество нужных лесоматериалов, иначе компании станут экономически неэффективными. Некоторые питают иллюзию, что если все лесные ресурсы в стране будут исчерпаны и их стоимость существенно увеличится, то это вызовет рост цен на мировом рынке и соответственно повышение прибыльности в лесном секторе. Но это только иллюзия, так как доля российской лесной продукции в мировом лесном рынке небольшая. Исчерпание доступных лесных ресурсов в нашей стране не приведет к серьезным изменениям на сырьевом рынке.

Реформирование лесного сектора, видение, как он должен быть устроен, — вопрос непростой. Например, если мы говорим о достаточно сбалансированном и очень эффективном лесном хозяйстве в Швеции и Финляндии, то должны понимать, что эти страны прошли весьма болезненные этапы его развития. Например, после Второй мировой войны лесное хозяйство обеих стран было чрезвычайно сильно подорвано рубками из-за очень высокого спроса на древесину. Государство в те годы фактически не контролировало заготовителей. И только доведя лесное хозяйство до края, почти до полного разрушения, они шаг за шагом создали сбалансированные системы, в которых, с одной стороны, компании отвечают за лесной цикл, с другой — государство следит, чтобы не происходила неконтролируемая рубка лесов, не нарушались нормы лесопользования. Была построена экономически эффективная модель лесопользования.

Самое главное, что нужно сделать в нашей стране, — разработать грамотную лесную политику. Нужно решить, как должны строиться экономические взаимоотношения в лесном секторе, осуществляться управление, какими должны быть отношения между элементами общей экономической цепочки, чтобы она была эффективной.

Мы начали с лесной политики и заканчиваем ей...

Это вполне логично. Сейчас разделение на экономическом и управленческом уровнях между лесным хозяйством и лесной промышленностью совершенно неэффективно и не соответствует долгосрочным целям лесного хозяйства.

Интервью подготовили Н. Шматков, WWF России, и О. Слемзина

